

Р.Р. Горошкова

**«МНИМЫЙ ВНУК МНИМОГО ПАРАЛИТИКА»:
КАРТОФЕЛЬНЫЙ ЭЛЬФ
ВЛАДИМИРА НАБОКОВА
В КОМПАНИИ СЕБЕ ПОДОБНЫХ**

© 2020 Р.Р. Горошкова
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Дата подачи статьи: 10 декабря 2020 г.

Аннотация: Картофельный Эльф В.В. Набокова — не первый и не последний образ карлика в истории литературы: уже начиная со средневекового героического эпоса карлики и гномы нередко становились если не центральными героями произведений то, по крайней мере, ключевыми для сюжета. Поразительная схожесть «Картофельного Эльфа» Владимира Набокова с рассказом Чарльза Диккенса “Going Into Society” (1858) (в русском переводе З.Е. Александровой — «Как попасть в общество») указывает, какой именно персонаж-карлик вдохновил Набокова на создание этой небольшой истории о «маленьком человеке». Прделанный в статье сравнительный анализ двух рассказов станет первым шагом в изучении влияния английского писателя на Владимира Набокова и отчетливо продемонстрирует, что образ карлика, Картофельного Эльфа Фреда, а также многие детали его судьбы Набоков скопировал с диккенсовского карлика по имени Мистер Чопс (Mr Chops). При этом справедливости ради будет отмечено, что герой диккенсовского рассказа не является единственным литературным двойником Фреда Добсона: компанию им обоим составляют карлики Э.Т.А. Гофмана и А.С. Пушкина.

Ключевые слова: Набоков, Диккенс, Гофман, Пушкин, карлики, «Картофельный Эльф», «Как попасть в общество», малая

проза Диккенса, «Крошка Цахес, по прозвищу Циннобер», «Руслан и Людмила».

Информация об авторе: Рената Ришатовна Горошкова — ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет. Университетская наб., 7–9, 199034, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: r.goroshkova@spbu.ru .

Renata R. Goroshkova

**‘THE SUPPOSED GRANDSON
OF THE SUPPOSED PARALYTIC’:
VLADIMIR NABOKOV’S THE POTATO ELF
IN THE COMPANY OF HIS OWN KIND**

© 2020 Renata R. Goroshkova
St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

Received: December 10, 2020

Abstract: The Potato Elf of Vladimir Nabokov’s story is neither the first, nor the last dwarf in literary history: the dwarfs in the Medieval epic were, if not the central, then at least the key heroes responsible for the twists and turns of storylines. The striking similarities between two stories *Going into Society* by Charles Dickens and *The Potato Elf* by Vladimir Nabokov point out which particular character inspired Nabokov to create the short story about “a little man”. The provided comparative analysis of these two short stories is the first step in studying the influence of Charles Dickens on Vladimir Nabokov’s works and clearly demonstrates that many details of Fred’s life were borrowed by Nabokov from Dickens’s dwarf character Chops. It should be noted, in fairness, that the Dickensian protagonist is not the only literary counterpart of Fred Dobson: they are both accompanied by dwarfs from the works of E.T.A. Hoffmann and Alexander Pushkin.

Keywords: Nabokov, Dickens, Hoffmann, Pushkin, Dwarfs, 'The Potato Elf', Dickens' Short Stories, 'Going Into Society', 'Little Zaches, Great Zinnober', 'Ruslan and Ludmila'.

Information about the author: Renata R. Goroshkova — Assistant Professor, St. Petersburg State University. University Embankment, 7/9, St. Petersburg, 199034, Russia. E-mail: r.goroshkova@spbu.ru .

Рассказы Владимира Набокова, написанные в 1920–30-х гг., практически с момента публикации нередко оказывались в центре внимания критиков, а позже — литературоведов¹. Рассказы Чарльза Диккенса позднего периода, включая «Как попасть в общество» ('Going Into Society')², напротив, почти неизвестны широкой публике и крайне редко становятся объектом филологических исследований, несмотря на то, что Диккенс — один из самых подробно изученных писателей.

В том, что в набокловских текстах до сих пор никто на систематической основе не искал отсылки к текстам Диккенса, возможно, виноват укоренившийся в литературоведении стереотип

¹ В частности, Е.П. Сошкин свою статью о «Картофельном Эльфе» [8] строит на гипотезе, что рассказ Набокова главным образом отсылает к сказке «Карлик Нос». Набоков и правда не случайно использует в заголовке аллюзию на нос, похожий на овощ, но, мне кажется, связано это вовсе не со сказкой Вильгельма Гауфа (в которой, безусловно, также есть и карлик, и нос, и овощи), а с излюбленным приемом Набокова — игрой в слова. Прозвище Картофельный Эльф появилось у Фреда Добсона потому, что его нос был большой как картошка («первый же антрепренер, занявшийся им, счел нужным отяжелить смешным эпитетом понятие «эльфа», когда взглянул на толстый нос, завешанный карлику его полнокровным отцом» [5, с. 449]), но в тексте ни разу не встречается метафора «нос картошкой», хотя, судя по данным Национального корпуса русского языка, это словосочетание впервые использовал еще Н.С. Лесков, затем его подхватили и усвоили Д.Н. Мамин-Сибиряк, Ф.Д. Крюков, И.А. Бунин. Набоков не мог не знать это выражение. По какой-то причине писатель выносит этот образ в заголовок, то есть уделяет картофельному носу повышенное внимание, но подчеркнуто не использует его в тексте.

² Рассказ является частью сборника «A House To Let» («Домик в аренду»), в создании которого принимали участие Ч. Диккенс, У. Коллинз, Э. Гаскелл и А.А. Проктер. Сборник был опубликован в качестве специального рождественского номера журнала «Household Words» («Домашнее чтение») в 1858 г.

о Диккенсе как об авторе социальной и дидактической прозы, то есть полной противоположности Владимира Набокова. Между тем Набоков, называя произведения писателя «чистым искусством» [6, с. 122], в своей лекции об одном из его романов большое внимание уделил именно «магии языка», стилистическому волшебству диккенсовской прозы: «Обратите внимание: Диккенс — и чародей, и художник <...> и общественный деятель — опять же в сочетании с художником — в теме детей, и очень толковый рассказчик в теме тайны, которая движет и направляет повествование. Нас привлекает именно художник; поэтому, разобрав в общих чертах три основные темы и характеры некоторых действующих лиц, я перейду к анализу формы книги, ее композиции, стиля, ее художественных средств, магии языка» [6, с. 128].

Владимир Набоков уже в детстве имел возможность близко познакомиться с прозой Диккенса: в письме к Эдмунду Уилсону он писал, что его отец Владимир Дмитриевич, будучи глубоким знатоком английского писателя³, прочитал своим детям все его произведения в оригинале вслух [14, с. 273]. Поэтому весьма вероятно, что узнать сюжет малоизвестного диккенсовского рассказа В.В. Набоков мог уже в юном возрасте.

Можно сказать, что Набоков фактически переписал рассказ Диккенса о цирковом карлике: при пристальном прочтении⁴ обоих текстов обнаруживаются прямые переключки сюжетов и идей. Схож внешний пласт историй: у карликов одна и та же цирковая профессия — «одним своим видом возбуждать ураган рукоплесканий» («Картофельный Эльф одним своим видом возбудил ураган рукоплесканий и смеха по всей Англии, а затем и в главных городах на материке» [5, с. 450]). Идентичны и обстоятельства социальной жизни героев: каждый из них ограничен своим маленьким миром, а мира большого (то есть общества людей) не видит. У Диккенса находим: "The curse of my position towards the Public is, that it keeps me out of Society" [10, с. 19] / «Я нахожусь в изоляции от общества людей, проклиная за это

³ См. более подробно об увлечении Владимира Дмитриевича Набокова Чарльзом Диккенсом у Г. Шапиро [15, с. 103–106] и Р. Горошковой [13].

⁴ Моя первая версия разбора двух рассказов была опубликована в блоге международного Диккенсовского общества [12].

то, чем я сейчас занимаюсь» (здесь и далее цитаты из Диккенса переведены автором статьи. — Р.Г.), у Набокова: «Жизнь его шла по кругу, мерно и однообразно, как цирковая лошадь <...> Мира он не видел» [5, с. 450].

Набоков с самого начала как будто не скрывает английское происхождение карлика: именно в Англии географически происходят события рассказа «Картофельный Эльф». Фокусник Шок, возвратившись к изменившей ему жене, рассказывает ей, как «побывал у короля в Виндзоре, куда пригласили его развлекать маленьких герцогов в бархатных куртках и кружевных воротниках» [5, с. 460]; в повести Диккенса есть описания афиш, на которых карлик изображен рядом с королем Георгом IV, а позже он также был представлен ко двору.

Оба карлика — натуры чувственные, влюбчивые (у Диккенса: “He was always in love, of course; every human nat’ral phenomenon is” [10, с. 19] / «Он, конечно, всегда был в кого-то влюблен; состояние, свойственное любому человеку»; у Набокова: «двухлетний карлик переживал изредка пронзительные приступы одинокой любовной тоски» [5, с. 451]), оба наделены поэтическим складом ума и любят играть на небольших музыкальных инструментах (мистер Чопс — на шарманке (barrel-organ) [10, с. 19]; Добсон — на маленькой пианоле [5, с. 464]).

Поскольку в обоих рассказах главным героем является маленький человек — «маленький» во всех смыслах: и буквально — карлик, и метафорически: униженный и оскорбленный, но заслуживающий любовь и сочувствие, — неудивительно, что основное желание героев — стать выше, крупнее, солиднее, и этому желанию соответствуют их склонности и поступки. Мистеру Чопсу нравятся «большие» женщины (“...he was always in love with a large woman; I never knowed the Dwarf as could be got to love a small one” [10, с. 19] / «Он всегда влюблялся в больших женщин; я никогда не встречал карликов, которые любили бы себе подобных»). Набоковского Фреда влечет только к женщинам нормального роста или к таким высоким, как Нора (чье имя созвучно городу *Норфолк*, из которого приехала та самая возлюбленная диккенсовского карлика — “the Fat Lady from Norfolk” [10, с. 18]), а карлицы вызывают отвращение. Мистер Чопс мечтает попасть в *высшее* общество; Фред Добсон, своей

впечатлительностью напоминаящий Дон Кихота, — по-рыцарски спасти Нору («он рыцарь ее, он гордится ее любовью» [5, с. 457]) от чего-нибудь такого же страшного и несуществующего, что привиделось Дон Кихоту вместо мельниц: «Помечтал он о том, что когда-нибудь спасет Нору от сильного грубого человека» [5, с. 454]. Фред Добсон, как бы вслед за хитроумным идалго, известным любителем романов и героем *значимого, большого* романа, много читает произведений *крупной* формы: «...выписывал из библиотеки книжки по три, по четыре в неделю, — всё больше романы» [5, с. 462].

У обоих героев неполноценность формы компенсируется содержанием: карлики, несмотря на внешнее несовершенство, обладают доброй и очень ранимой душой: “The kindest little man as never grewed! Spirited, but not proud” [10, с. 18] / «Добрейший маленький человек, какой только мог вырасти! Отважный, но не надменный», — сообщает нарратор о мистере Чопсе. Фред Добсон описывается примерно так же: «В отличие от других карликов, он был нраву кроткого, дружелюбного» [5, с. 450]. Как можно заметить, и Диккенс (чей карлик Квилп в романе «Лавка древностей» стал одним из самых жестоких и безжалостных из всех его персонажей), и Набоков посчитали нужным подчеркнуть, что такие черты, как беззлобность, добродушие и кротость, если и встречаются⁵ среди карликов, то очень редко. Действительно, литературные карлики (гномы) в эпической поэзии не отличались ангельским нравом и могли стать проклятием для тех, кто встречается с ними на жизненном пути (например, карлик Андвари в германо-скандинавском эпосе). В литературе романтизма низкорослые персонажи также ущербны не только физически, но и духовно. И, безусловно, пополняя ряд литературных карликов Фредом Добсоном, Набоков не мог проигнорировать некоторых известных литературных малорослых злодеев.

⁵ Еще один положительный герой-карлик есть у И.С. Тургенева в рассказе «Касьян с красивой мечи», к которому В. Набоков, возможно, отсылает в «Картофельном эльфе». В частности, у карликов похожи как некоторые моменты биографии (Карлик Касьян, по прозвищу Блоха, как и Фред Добсон, жил обособленно, но имел дочь, история рождения которой также была покрыта тайной), так и детали образа (Фред Добсон «пел евнушным дискантом», голос Касьяна «был удивительно сладок, молод и почти женски нежен») [9, с. 145].

Уже в самом начале рассказа, в описании внешности карлика Фреда Добсона, читатель с хорошей памятью на имена увидит отсылку к повести Эрнста Амадея Гофмана⁶ «Крошка Цахес, по прозвищу Циннобер» (1819): «Было ему двадцать лет от роду, весил он около десяти килограммов, а рост его превышал лишь на несколько сантиметров рост знаменитого швейцарского карлика Циммермана: по прозвищу Принц Бальтазар» [5, с. 449]. У Гофмана Бальтазар — это не карлик, а красивый и благородный юноша, полная противоположность злого уродца крошки Цахеса и его главный соперник за руку и сердце прекрасной Кандиды. Эту инверсированную игру в имена, когда нет соответствия между именем, к которому отсылают, и функцией персонажа в тексте, а типажи и имена намеренно перемешаны — можно заметить, если вслушаться и в имя фокусника Шока, напарника Добсона. Имя Шок, помимо заложенного в него смысла и функции (шокировать окружающих своими выходками), созвучно имени диккенсовского карлика, мистера Чопса: столь же краткое, также содержит шипящий звук и может служить очередной отсылкой к Диккенсу, общепризнанному мастеру по созданию каламбурных, многозначных и многозадачных имен. Излюбленный прием Диккенса обнаруживает себя и в рассказе о карлике: на афишах имя диккенсовского карлика Чопса стало *длинным, солидным* и было написано прописными, *большими* буквами: 'MAJOR TPSCHOFFKI, OF THE IMPERIAL BULGRADERIAN BRIGADE' [10, с. 18].

Пристально изучая узор сюжетных поворотов в «Картофельном Эльфе», можно обнаружить отсылку к одному важному мотиву гофмановской повести: к волосам. При первой встрече с уродцем Цахесом фея, фрейлейн Розеншён, «стала тихо и нежно гладить его по голове, проводя ладонью от лба к затылку» [1, с. 129], после чего с карликом начали происходить чудеса. Три магических волоска, подаренных Цахесу сердобольной феей, обладали чарами: заставляли окружающих видеть в нем совершенного во всех смыслах человека и приписывать карлику «все

замечательное, что в его присутствии кто-то другой помыслит, скажет или сделает» [1, с. 205]. Вот и Нора в набоковском рассказе погладила карлика по голове, как будто также наделив его волшебными чарами: «...и в то же мгновение, по непонятному сочетанию мыслей, ей померещилось другое, мстительное и любопытное» [5, с. 455], после чего «каким-то нелепым и упоительным образом все пришло в движение» [5, с. 455]. Очередной пример отсылки к гофмановскому образу, но с перевернутым смыслом⁷: Нора приняла Добсона не за того, кем он показался ей до этого (ее «несуществующим» сыном), и даже не за того, кем он был или хотел быть, увидела в нем не карлика и не возлюбленного или потенциального любовника, а подвернувшийся удачный шанс осуществить давно сидевшее в *ее* голове желание отомстить собственному мужу.

В повести Гофмана чары уродца развеялись, как только Бальтазар вырвал и сжег магическую прядь волос Цахеса. Интересно, что такой же мотив встречается в поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» (1820), появившейся через год после гофмановской повести о Цахесе. В центре сюжета тот же треугольник: благородный юноша — карлик — украденная карликом красавица-возлюбленная. Разрушить этот треугольник помогает избавление от магических волос (в бороде) карлика-злодея Черномора, который описывает их чары так:

Сей благодатной бородой
Недаром Черномор украшен.
Доколь власов ее седых
Враждебный меч не перерубит,
Никто из витязей лихих,
Никто из смертных не погубит
Малейших замыслов моих [7, с. 680].

⁶ О том, что в рассказе «Картофельный Эльф» есть гофмановские мотивы, вскользь упомянул еще Глеб Струве в статье «Творчество Сирина», опубликованной в газете «Россия и славянство» в 1930 [3, с. 184].

⁷ В «Картофельном Эльфе» присутствуют и другие подобные примеры: повесть Гофмана заканчивается нелепой и глупой смертью крошки Цахеса, который случайно упал в сосуд с водой и задохнулся. В рассказе Набокова падение карлика в емкость с жидкостью происходит в самом начале истории, предстает чем-то незначительным, делается общим местом, обыгрывается с комической интонацией: «Однажды, в потемках кулис, он споткнулся о ведро с малярной краской и мягко в него плюхнулся. Он потом долго это вспоминал как нечто необыкновенное» [5, с. 450].

Нора в рассказе Набокова вряд ли вписывается в рамки понятия красавицы: «Ее худоба, пергаментный оттенок кожи, черные сухие волосы, привычка выдувать через ноздри папиросный дым, обдуманная неряшливость платья и прически — все это мужчин не привлекало» [5, с. 452]. Не производит она впечатление и благородной дамы, и, как заметил У. Эванс, «если внешне она и не карлик, то в духовном плане — определено» [11, с. 77]. Однако любовный треугольник, обнаруженный у Гофмана и Пушкина, присутствует и в «Картофельном Эльфе»: Фред Добсон влюбляется в Нору и планирует увести ее у мужа. Проигравшим по законам жанра будет карлик, а Нора останется с Шоком: «Я боюсь, что вышло страшное недоразумение. Постарайтесь простить и забыть меня. Завтра мы с мужем уезжаем в Америку» [5, с. 463]. Не обошлось в рассказе Набокова и без волос, позволяющих перевоплощаться: завершив карьеру в цирке, Фред полностью облысел, но, иногда выходя на прогулку, надевал белокурый парик, преобразаясь в маленького мальчика. А когда спустя восемь лет приехала Нора и пыталась взглянуть в его лицо, ища сходство с покойным сыном, «карлик смущенно мигал, мучительно жалея, что он без парика» [5, с. 465], как будто искусственные волосы помогли бы сделать его похожим на ребенка, о существовании которого он узнает через несколько мгновений.

Прибытие Норы в маленький английский городок к одиноко живущему Фреду напоминает еще одну сюжетную линию «Руслана и Людмилы»: историю любви и разочарования старца Финна. Появление перед Финном Наины, которой он много лет безрезультатно добивался и ждал, стало для старика настоящим потрясением. Превратившись в дряхлую уродливую старуху, Наина, «печальной ветхости картина» [7, с. 664], пришла с признанием: «Проснулись чувства, я сгораю» [7, с. 665], но старец «с криком вырвался, бежал» [7, с. 665]. Так и влюбленный некогда в Нору Фред Добсон, открыв дверь болезненно постаревшей женщине, «отскочил, пробормотал что-то и, запахивая халат, кинулся в комнаты» [5, с. 464], а потом «все продолжал недоумевать, неужели я когда-нибудь мог... Она совсем желтая. С усами» [5, с. 465]. Намеком на другую известную пушкинскую старуху и своеобразно исполнившиеся желания могут служить золотые рыбки, сопутствующие двум встречам Фреда Добсона с Норой. В день

знакомства с карликом, когда Норе привиделось, что Шок держит на руках ребенка (давнее ее желание), «она рассеянно стучала ногтем по стеклу банки, в которой несколько золотых рыбок, будто вырезанных из апельсиновой корки, дышали и вспыхивали плавленными» [5, с. 453]. Наутро перед тем, как произошло сближение с Норой (и осуществилось желание девственного карлика), Фред «поговорил с золотыми рыбками» [5, с. 454]. Ю.М. Лотман считал, что «повторение одного и того же элемента приглушает его семантическую значимость» [4, с. 115]: так и рыбки при третьем и четвертом упоминании в рассказе больше не исполняют желаний, они перестали быть золотыми, обесценились: «Ему вспомнились очень живо оранжевые рыбки за стеклом» [5, с. 465]. Выделение мотивов, значимых для разворачивающейся сюжетной линии, через аллюзии к текстам предшественников — один из ключевых поэтических приемов Набокова [2, с. 20]: отсылка к золотой рыбке из сказки Пушкина позволяет проявиться мотиву исполнения желаний, часто в итоге обнуляющему все, что исполнилось, и возвращающему историю к исходной точке: Нора в конце концов остается «у разбитого корыта» — теряет сына, зачатого от Фреда Добсона.

Если истории про злых карликов, как правило, заканчиваются радостно — справедливость торжествует, а злодеи получают по заслугам, — то рассказы о добрых карликах счастливого конца не имеют. И у Диккенса, и у Набокова маленьких героев постигли сначала обида и унижение, а затем осознание своей наивности и разочарование в том, что раньше казалось самым важным. В обоих рассказах ставится вопрос о взаимодействии формы и содержания: мудрость и приобретенный опыт у диккенсовского карлика копились в голове, которая в итоге увеличилась настолько, что привела к смерти карлика: “his Ed got bigger and bigger as his Wisdom expanded it” [10, с. 22] / («его голова становилась все больше и больше, поскольку мудрость распирала ее»)⁸. Как и голова мистера Чопса, сердце чувствительного Фреда

⁸ В рассказе Диккенса мистер Чопс, рассказывая о неудачах с женщинами, бился головой об стену: “...he says, giving his head a tremendous one against the wall. <...> I thought he was gone. His Ed was so heavy” [10, с. 21] / («...говорил он, со страшной силой стучаясь головой о стену. <...> Я думал, он умер. Его голова была такой тяжелой»). Такая же деталь присутствует

настолько было переполнено, что он «боялся его расплескать» («Фред еще долго стоял посреди комнаты, боясь настороженным движением расплескать сердце» [5, с. 467]). Эта переполненность содержания, стремящегося выйти за край, сломать ограничивающую форму, стала причиной его внезапной смерти: «...он растерянно заулыбался, и все бежал, крикая, стараясь забыть сердце, огненным клином ломавшее ему грудь» [5, с. 468]. Оба писателя по-своему напоминают о природе жанра «рассказ» / “short story”. Для Диккенса, известного чтеца собственных произведений, важна игра слова написанного и слова произнесенного, и он обращает внимание на звуковую сторону повествования: отсекает часть букв от ключевого слова (вместо head — Ed), заставляет читателя споткнуться при чтении, разгадывая эту — в буквальном смысле — головоломку. Набоков «вырезает» из рассказа восемь лет жизни ребенка Фреда, внезапно появившегося в истории: подробности жизни и смерти сына Фреда Добсона ни читателя, ни сам карлик так и не узнают — ограниченность и конвенциональность рассказа не предусматривают подобного развернутого повествования. При этом, несмотря на свою неполноценность, герой произведения *малой* формы способен вызвать у читателя и зрителя одновременно и «стоны смеха» («Стон смеха, крик, топот ног оглушили его» [5, с. 468]), и слезы жалости, точно так же, как это делали классики жанра: Дон Кихот, герой *большого* романа, и Чарли Чаплин, звезда *большого* экрана (чей котелок и семящая походка, возможно, даже несколько раз промелькнули в набоковском тексте: «Фред в пальтишке и котелке, почихивая и урча, семенил за кулисами по тусклому коридору» [5, с. 451]; «...и снова попрыгивал по комнате, отыскивал котелок, которого так давно не носил...» [5, с. 467]); он может предстать в разных амплуа (от найденного Шоком ребенка до мнимого внука мнимого паралитика) и даже (неза-

и в биографии Фреда Добсона: «Фред больно стукнулся и теперь лежал неподвижно. <...>

— Плохо, брат, — вздохнул фокусник, подняв его с полу и прозрачными пальцами потрагивая его круглый лоб...» [5, с. 452]. Позже и Нора («душистым спиртом потеряла ему лоб, виски, детские впадины за ушами» [5, с. 545], и Шок (« — Голова не болит? — спросил он равнодушно» [5, с. 458]) напоминают о том же происшествии.

метно) прожить восемь лет жизни. Рассказ о создании рассказа, повествование с его недосказанностями, тайнами, ложными трактовками («Думали, что это все — великолепная шутка, цирковая реклама, съемки...» [5, с. 468]), реальными и мнимыми прототипами и двойниками, раскрывает один из секретов творчества вообще: настоящее произведение искусства всегда больше той формы, в которую оно заключено.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гофман Э.Т.А. Житейские воззрения кота Мурра. Новеллы. Сказки. М.: ЭКСМО, 2008. 800 с.
2. Долинин А.А. Истинная жизнь писателя Сирина. Работы о Набокове. СПб.: Symposium, 2019. 568 с.
3. Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 688 с.
4. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 704 с.
5. Набоков В.В. Истребление тиранов. Избранная проза. Минск: Мастацкая літаратура, 1989. 640 с.
6. Набоков В.В. Лекции по зарубежной литературе. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. 544 с.
7. Пушкин А.С. Сочинения в 3-х т. Т. 1. Стихотворения. Сказки. Руслан и Людмила: Поэма. М.: Художественная литература, 1985. 735 с.
8. Сошкин Е. К источникам рассказа Набокова «Картофельный эльф». // Новое литературное обозрение. 2015. № 5. С. 217–229.
9. Тургенев И.С. Записки охотника: очерки. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. 448 с.
10. Dickens Ch. Going Into Society. Household Words Christmas Stories, 1851–1858. London: Ward, Lock, and Tyler, 1858. P. 18–23.
11. Evans, W. The Conjuror in “The Potato Elf”. Nabokov’s Fifth Arc, edited by J. E. Rivers and Charles Nicol, Austin: University of Texas Press, 1982. P. 75–81.

12. *Goroshkova R.* How Dickens dwarf inspired Nabokov. The Dickens Society Blog. Available at: <https://dickenssociety.org/archives/1991> (Accessed December, 9, 2020).
13. *Goroshkova R.* Nabokov's Father as "an Authority on Dickens". The Dickens Society Blog, Available at: <https://dickenssociety.org/archives/2664> (Accessed December, 9, 2020).
14. *Nabokov V.V., Wilson E.* Dear Bunny, Dear Volodya: The Nabokov-Wilson Letters, 1940–1971, Revised and Expanded Edition. Edited, Annotated, and with Introductory essay by Simon Karlisky. University of California Press, 2001. 388 p.
15. *Shapiro G.* The Tender Friendship and the Charm of Perfect Accord: Nabokov and His Father. University of Michigan Press, 2014. 306 p.

7. *Pushkin A.S.* Sochineniia v 3-kh t. T. 1. Stikhotvoreniia; Skazki; Ruslan i Liudmila: Poema [Works in 3 V. V. 1. Poetry; Fairy Tales; Ruslan and Ludmila: A Poem]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1985. 735 p. (In Russ.)
8. *Soshkin E.* K istochnikam rasskaza Nabokova "Kartofel'nyi el'f". [The Origins Of Nabokov's The Potato Elf]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*. 2015. № 5. pp. 217–229. (In Russ.)
9. *Turgenev I.S.* Zapiski okhotnika: ocherki. [A Sportsman's Sketches]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2020. 448 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. *Gofman E.T.A.* Zhiteiskie vozzreniia kota Murra; Novelly; Skazki [The Life and Opinions of the Tomcat Murr; Short Stories; Fairy Tales]. Moscow, EKSMO Publ., 2008. 800 p. (In Russ.)
2. *Dolinin A.A.* Istinnaiia zhizn' pisatel'ia Sirina. Raboty o Nabokove [The Real Life of the Writer Sirin. Studies on Nabokov]. St. Petersburg, Symposium Publ., 2019. 568 p. (In Russ.)
3. *Klassik bez retushi: Literaturnyi mir o tvorcestve Vladimira Nabokova* [The classic without retouching. The Literary World of the Works of Vladimir Nabokov]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000. 688 p. (In Russ.)
4. *Lotman Iu. M.* Struktura khudozhestvennogo teksta. Analiz poeticheskogo teksta. [The Structure of the Artistic Text. Analysis of the Poetic Text]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2016. 704 p. (In Russ.)
5. *Nabokov V.V.* Istreblenie tiranov. Izbrannaia proza [The Extermination of the Tyrants. Selected Prose]. Minsk, Mastatskaia litaratura Publ., 1989. 640 p. (In Russ.)
6. *Nabokov V.V.* Lektsii po zarubezhnoi literature. [Lectures on Foreign Literature]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2020. 544 p. (In Russ.)